

Москва, календарь — 2006 — 16 лив. — с. 8.

Репетиция — тоже маленький спектакль.

МОРИС БЕЖАР стал легендой давно. Поставленный им в 1959 году балет "Весна священная" потряс не только мир классического танца, но вообще весь мир. Бежар, подобно сказочному волшебнику, вырвал балет из академического плена, очистил его от пыли и позолоты веков, и обновленный, сексуальный, яростный танец марсельца Бежара стал символом двадцатого века.

По совету врача

"Я — лоскутное одеяло. Я весь — из маленьких кусочков, оторванных мною от всех, кого жизнь поставила на моем пути. Я играл в Мальчику-с-пальчика шиворот-навыворот. Камешки были разбросаны передо мной, я их только подобрал и продолжаю это делать до сих пор". "Только подобрал" — как просто Бежар говорит о себе и своем творчестве. А ведь его "лоскутное одеяло" — это более ста балетов, десять оперных спектаклей, несколько пьес, пять книг, кино- и видеофильмы.

Сын известного французского философа Гастона Берже, Морис, взявший впоследствии сценический псевдоним Бежар, родился 1 января 1927 года в Марселе. Среди его дальних предков — выходцы из Сенегала. "Я и сегодня, — вспоминает Бежар, — продолжаю гордиться своим африканским происхождением. Уверен, что африканская кровь сыграла определяющую роль в момент, когда я начал танцевать..." А танцем Морис начал заниматься в тринадцать лет по совету... врача. Впрочем, врач посоветовал сначала, чтобы болезненный и слабый ребенок занялся спортом, но, услышав от родителей о его страстном увлечении театром, подумав, рекомендовал классический танец. Начав им заниматься в 1941 году, через три года Морис уже дебютирует в труппе марсельской оперы.

Весна священная

Многие биографы Бежара вспоминают, как в 1950 году, в холодной неуютной комнате, которую снимал в ту пору перебранный в Париж из родного Марселя молодой Бежар, собралось несколько его друзей. Неожиданно для всех Морис произносит: "Танец — это искусство XX века". Тогда, вспоминает Бежар, слова эти привели его друзей в полное смятение: разрушенная послевоенная Европа никак не располагала к подобным прогнозам. Но он был убежден, что балетное искусство стоит на пороге нового невиданного взлета. И ждать этого оставалось совсем немного, как и того успеха, что обрушился на самого Бежара. 1959 год стал годом судьбы Мориса Бежара. Его труппа "Балле-театр де Пари", созданная в 1957 году, оказалась в труднейшем финансовом положении. И в этот момент Бежар получает от Мориса Юисмана, только что назначенного директором брюссельского "Театр де ла Монне", предложение осуществить постановку "Весны священной". Специально для нее формируется труппа. На репетиции отводится всего три недели. Бежар "видит" в музыке Стравинского историю возникновения человеческой любви — от первого робкого порыва к бешеному, плотскому, животному пламени чувств.

Успех "Весны" предопределил будущее хореографа. На следующий год Юисман предлагает Бежару создать и возглавить постоянную балетную труппу в Бельгии. Во Франции не нашлось никого, кто бы предоставил Бежару подобные условия работы. Молодой хореограф переезжает в Бельгию, в Брюссель, здесь и появляется на свет "Балет XX века". Много позже Бежар обоснуется в Швейцарии, в Лозанне. И Бельгия, и Швейцария никогда не были балетными странами, но благодаря Бежару эта танцевальная провинция стала известна всему миру. Ну а самый известный первый французский хореограф никогда не удостоится чести возглавить балет первого театра Франции — Парижской оперы. В то время как беженцы из России Сергей Лифарь, Рудольф Нуреев такую возможность получали. В очередной раз убеждаешься, что нет пророка в своем отечестве.

Морис Иванович Мефистофель

Однажды один американский критик спросил Бежара: "Интересно, в каком стиле вы работаете?" На что Бежар ответил: "А что представляет собой этот вопрос? Если вы хотите сказать, что я работаю в стиле народного танца..." В конце концов когда начинался классический балет, то использовались все виды народных танцев".

Летом 1978 года эта "кипящая кастрюля" впервые побывала в застойно-спокойном СССР. Его спектакли вызвали шок, а сам Бежар сразу стал самым любимым зарубежным хореографом. У него появилось даже отчество — Иванович. Это был знак особой российской признательности, до Бежара подобной чести удостоился лишь Мариус Петипа, кстати, тоже уроженец Марселя. Звезды советского балета бросились в неистовую битву с властью и друг с другом за хореографию Бежара. В спектаклях мастер танцевали Екатерина Максимова, Владимир Васильев, а для Майи Плисецкой Бежар создал "Айседору", "Леду и Лебедя", "Куразуку". Плисецкая очень метко описывает первую встречу с хореографом: "В меня вливаются белесо-голубые зрачки пронзительных глаз, окаймленные черной каймой. Взгляд испытующ и холоден. Его надо выдержать. Не сморгнуть... Взираем на друг в друга. Если Мефистофель существовал, то походил он на Бежара, думаю. Или Бежар на Мефистофеля?".

Почти все, кто работал с Бежаром, отмечают не только его стальной взгляд, но и диктаторскую нетерпимость. При этом ярчайшие звезды мирового балета, многие из которых сами славились своим капризным характером, послушно повиновались Мефистофелю—Бежару. Для Марсии Хайде он поставил "Вена! Вена!", а для Рудольфа Нуреева — "Песни странствующего подмастерья", Сильви Гийом танцевала "Сисси — королеву анархии", а Мари-Клод Пьетрагалла и Жан Бабиле выступали в балете "Жизнь". Но особые отношения связывали Бежара с Хорхе Донном.

Обручальное кольцо

Их союз — творческий, дружеский, любовный — длился почти двадцать восемь лет. Все началось в 1963 году, когда Хорхе Донн, заняв у своего дяди денег на палубный билет на пароход, прибыл во Францию. Бархатным голосом Донн спросил у Бежара, не найдется ли для него место в труппе:

— Лето кончилось, начинается сезон. Вот я и подумал...

Место нашлось, и вскоре этот юный красавец стал самой яркой звездой не только бежаровской труппы, но и мирового балета. А завершилось все 30 ноября 1992 года в одной из клиник Лозанны, где Хорхе Донн умер от СПИДа.

Бежар потом скажет, что у него было только два человека, которых он любил больше всего в жизни, — это его отец и Хорхе Донн. "Что у меня было до того, как я встретил Донна? — вспоминает Бежар. — Я поставил три балета, которые мне важны и сегодня: "Симфонию для одного человека", "Весну священную" и "Болеро". Без Донна я бы никогда не сочинил... Этот список будет слишком длинным".

Донн умер, когда Бежар сжимал его руку в своей. "На мизинце левой руки Хорхе носил обручальное кольцо моей матери, которое я когда-то дал ему поносить, — рассказывает Бежар. — Мне очень дорого было это кольцо, именно поэтому я одолжил его Донну. Он тоже был счастлив носить его, зная, какие чувства оно у меня вызывает. Донн сказал тогда, что рано или поздно вернет его мне. Я плакал. Я объяснил медсестре, что это обручальное кольцо моей матери. Она сняла его с пальца Донна и дала мне. Донн умер. Я не хотел видеть его мертвым. Своего отца я тоже не хотел видеть мертвым. Я тут же ушел. Поздно ночью, покопавшись в куче сваленных за телевизором видеокассет с записями моих старых балетов, я смотрел, как танцует Донн. Я видел, как он танцует, то есть живет. И снова он преображал мои балеты в свою собственную плоть, плоть пульсирующую, движущуюся, текучую, каждый вечер новую и бесконечно изобретаемую заново.

Мне нравится утверждать, что у каждого из нас несколько дат рождения. Я знаю также, хотя заявляю об этом реже, что дат смерти тоже несколько. Я умер в семь лет в Марселе (когда умерла мать Бежара. — Авт.), я умер подле своего отца в автомобильной аварии, я умер совсем недавно, в одной из палат лозаннской клиники".

Эрос-Танатос и Жизнь

В постановках Бежара часто встречаются необычные для балета персонажи. То это Мольер, которого исполнил сам Бежар; то честолюбивый молодой человек, приехавший завоевывать Париж в спектакле "Парижское веселье" на музыку Оффенбаха. Большой успех имел балет о французском писателе и политическом деятеле Андре Мальро. Героиней другого спектакля стала Эвита Перон, жена аргентинского диктатора, а в балете, посвященном Чарли Чаплину, играла внучка великого актера Анни Чаплин.

Но ничто так не отличает Бежара от других современных хореографов двадцатого века, как отношение к смерти и сексу. "Мысль человека, куда бы она ни обратилась, повсюду встречает смерть, — считает Бежар. — Смерть — это также путь к сексу, смысл секса, радость секса". Эрос-Танатос — один из главных персонажей в балетах Бежара: "Орфей", "Саломея", "Внезапная смерть", смерть преследует Мальро в одноименном балете, смерть в "Айседоре", в "Вена! Вена!"... По мнению Бежара, в смерти, которая является сильнейшим оргазмом, люди теряют свой пол, становясь идеальным человеческим существом — андрогинном. "Я бы сказал, что в жизни существует лишь два важных события: открытие секса (его всякий раз открываешь для себя заново) и приближение смерти. Все остальное — суета", — считает Бежар.

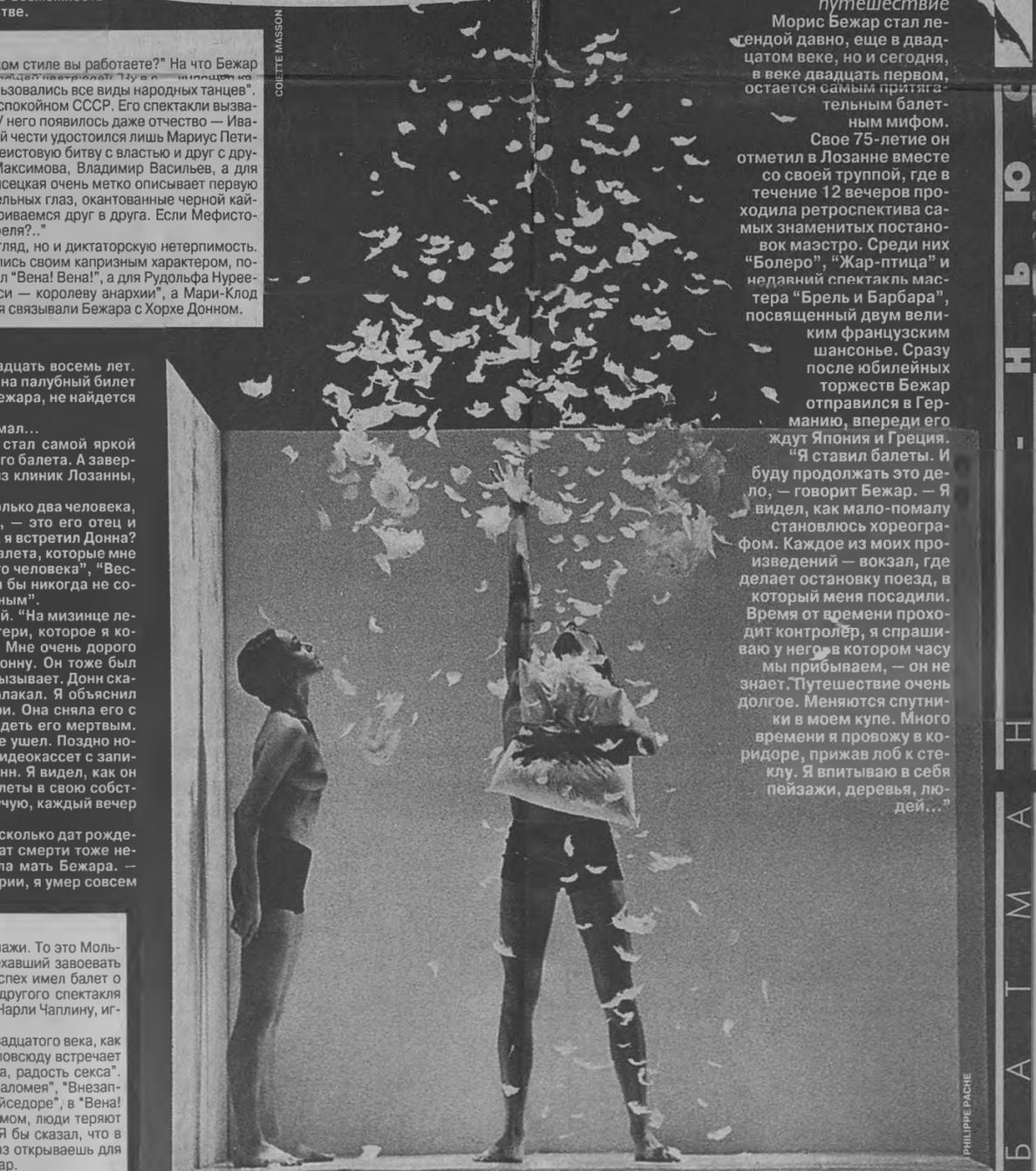
Но, конечно, для хореографа существует и жизнь, и она не менее привлекательна и прекрасна, чем смерть. В этой жизни есть многое, что его притягивает, — балетный зал, станок, зеркало и танцовщики. В этом его прошлое, настоящее и будущее.

"Весна священная".

ЖИЗНЕННАЯ КАСТРЮЛЯ

Долгое путешествие

Морис Бежар стал легендой давно, еще в двадцатом веке, но и сегодня, в веке двадцать первом, остается самым притягательным балетным мифом.

Свое 75-летие он отметил в Лозанне вместе со своей труппой, где в течение 12 вечеров проходила ретроспектива самых знаменитых постановок мастера. Среди них "Болеро", "Жар-птица" и недавний спектакль мастера "Брель и Барбара", посвященный двум великим французским шансонье. Сразу после юбилейных торжеств Бежар отправился в Германию, впереди его ждут Япония и Греция. "Я ставил балеты. И буду продолжать это дело, — говорит Бежар. — Я видел, как мало-помалу становлюсь хореографом. Каждое из моих произведений — вокзал, где делает остановку поезд, в который меня посадили. Время от времени приходит контролер, я спрашиваю у него в каком часу мы прибываем, — он не знает. Путешествие очень долгое. Меняются спутники в моем куле. Много времени я провожу в коридоре, прижав лоб к стеклу. Я выпью в себя пейзажи, деревья, людей..."

АНЕКДОТ

Мориса Бежара

♦ 70-е годы: госпожа Фурцева, министр культуры Советского Союза, долго отказывала мне во въезде в СССР. Она говорила: "У Бежара только секс да Бог, а нам ни того, ни другого не надо". Я-то думал, что это одно и то же.

♦ В Брюсселе мы с несколькими друзьями, среди которых была принцесса де Липп, решили провести день в Остенде. Я покупаю билеты. Принцесса слышит, что я прошу первый класс. И тут же вмешивается: — Ой нет! Только не первым. Я не собираюсь путешествовать со всяким сбродом! Берите третий!

♦ Начало пятидесятых. Я привез деду из Лондона переносной радиоприемник на батарейках. Тогда только-только стали появляться радиоприемники на батарейках. Он был упакован в деревянный чемоданчик. — Дедушка, вот тебе подарок из Англии. Он прослезился. Осмотрел приемник. — Он английский? — Да. — Но я же не говорю по-английски! Я ничего не пойму.

На торгах Sotheby's при большом ажиотаже "ушли" два лота, связанных с Рудольфом Нуреевым. Почти за 18 тысяч долларов был продан балетный костюм Принца из "Лебединого озера", в котором Нуреев танцевал в конце 60-х годов, и почти за 14 тысяч — черно-белая фотография танцовщика в жарде "ню", выполненная легендарным фотографом Ричардом Аведоном. Интересна история появления этого открытого фото. Аведон делал несколько фотографий Нуреева для журнала "Харперс базар". Съемки проходили в ателье у Аведона, было выпито море шампанского, и ночью фотограф предложил танцовщику раздеться и позировать ему обнаженным. Нуреев согласился.

В парижском "Театре де ла виль" прошла премьера балета Игоря Стравинского "Весна священная" в постановке известного французского хореографа албанского происхождения Анжелена Прельжожака. Идея постановки — свобода и рабство, в которое ввергает человека любовь. Шесть мужчин и шесть женщин, занятых в балете, все 45 минут, что идет спектакль, держат зал в напряжении. Но особенно, по словам критиков, Прельжожаку удалась финальная сцена. Когда главную героиню партнерши раздевают догола и швыряют на импровизированное возвышение на сцене, музыка стихает, в зале воцаряется тишина, и все, кроме обнаженной женской фигуры, тонет во мраке. Затем и танцовщица, свернувшись на помосте калачиком, также исчезает в темноте.

"Дом священника".